

Бюджетное профессиональное образовательное учреждение

Омской области

Седельниковский агропромышленный техникум

научно-практическая конференция

БПОУ «САПТ»

Такой известный и неизвестный поэт

Чашечников Леонид Николаевич

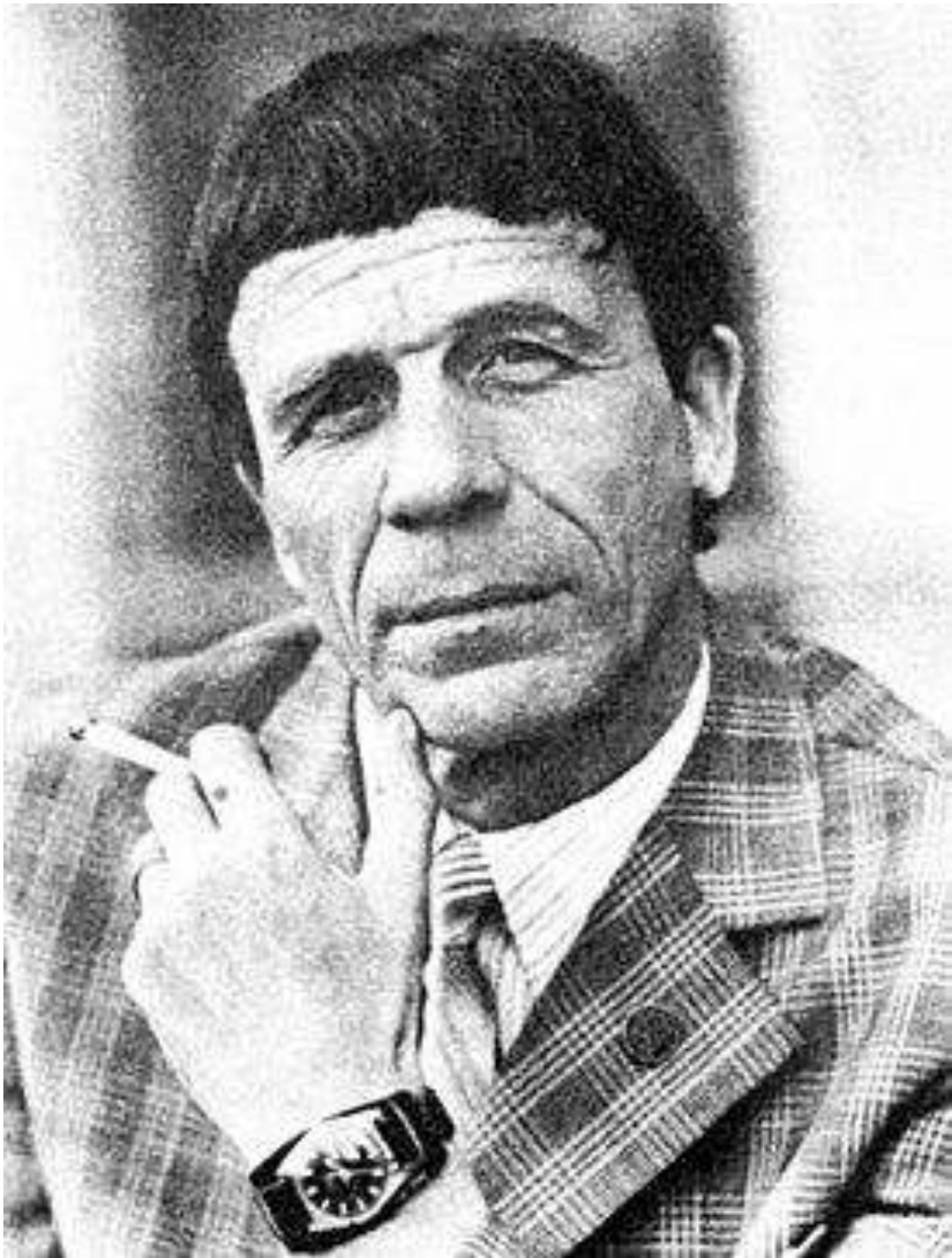
Выполнила: обучающаяся 13 группы

по профессии «Повар, кондитер»

Емельянова Наталья Евгеньевна

Руководитель: Ялоза А.В.

2021 год

Чашечников Леонид Николаевич

Дата рождения	8 марта 1933
Место рождения	Воскресенка, Седельниковский район, Омская область, РСФСР, СССР
Дата смерти	17 декабря 1999 (66 лет)
Место смерти	Семёново, Сергиево-Посадский район, Московская область, Россия
Род деятельности	поэт, журналист переводчик
Язык произведений	русский

Содержание.

Введение	с. 4
1. Биография	с. 6
2. Анализ творчества	с. 12
3. Память	с. 26
4. Воспоминания	
4.1. Записала Вероника Шелленберг	с. 29
4.2. Воспоминания Александра Маркова	с. 31
4.3. Вспоминает Михаил Сильванович	с. 32
5. Заключение	с. 38
6. Литература	с. 39
7. Приложение	
7.1. Произведения Леонида Чашечникова.	с.40
7.2. Литература о жизни и творчестве Л. Н. Чашечникова	с.41
7.3.Наследие.	с.42
7.4. Фото	с.60

Введение.

Моя малая Родина – это Седельниковский район Омской области. Щедрa земля наша природой, богата земными недрами, источниками, разнообразен ее растительный и животный мир. И всё же главное ее богатство – это люди. Как оказалось, и в нашем крае есть замечательные известные поэты. Но не все их знают.

"Леонид Чашечников - поэт эмоциональной силы, поэт своего видения, своего отношения к жизни, своего понимания этой жизни. Он знает, что утверждать, и утверждает по убеждению. Он не все знает о жизни и потому способен сомневаться, мучиться, искать, верить, разочаровываться, но за всем этим надежная нравственная и гражданская основа и – главное, страсть, порыв, безразличие" - так охарактеризовал творчество Леонида Николаевича Чашечникова критик В. Туркин.

Тема моей исследовательской работы – «Такой известный и неизвестный поэт Чашечников Леонид Николаевич»

Выбор темы не случаен, так как Чашечников - советский и российский поэт, журналист и переводчик, автор десяти сборников стихов, член Союза писателей СССР. А неизвестный, потому что, к сожалению, на его малой родине - в Седельниковском районе, о нем мало кто знает, и в Тарском районе (где он учился и работал в сельских клубах, в тарской районной газете) - его имя почти забыто, утерян интерес к литературному наследию талантливого автора. Единственным напоминанием о нем служит песня «Разговор», написанная на мелодию Юрия Сергеевича Конышева (известного музыканта и композитора г.Тара) еще при жизни поэта.

Новизна исследовательской работы обусловлена тем, что данный материал позволяет расширить представление о поэтах родного края, и может быть использован на уроках литературы, при изучении творчества местных поэтов и писателей.

Желание изучить литературное наследие Омской области, познакомиться с творчеством местных поэтов и обусловило **актуальность**

данной работы. Считаю, что материал моей работы может вызвать интерес к поэзии «малой родины» и ее авторам, потому что рядом с нами живут люди, обладающие удивительным талантом, умеющие выражать свою душу, мысли и переживания через поэтическое творчество. Леонид Николаевич – наш земляк, советский и российский поэт, журналист и переводчик, автор десяти сборников стихов, член Союза писателей России. Мы же, к сожалению, мало знаем об известных поэтах - выходцах нашего района.

Исходя из этого, **цель** работы заключается в изучении литературного достояния родного края, в частности жизни и творчестве Чашечникова Леонида Николаевича, для осознания важности сохранения и популяризации исторического наследия «малой родины».

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие **задачи**:

- собрать материал о жизни и творчестве Чашечникова Л. Н.;
- познакомиться со стихами и сборниками Леонида Николаевича;
- обобщить собранный материал.

Объект исследования: Чашечников Леонид Николаевич

Практическая значимость работы в том, чтобы сохранить память о поэте, Члене Союза писателей России, нашем земляке.

1. Биография.

Чашечников Леонид Николаевич родился 8 марта 1933 г. в Международный женский день в деревне Воскресенке Кукарского сельского Совета в Сибири, в Седельниковском районе Омской области. По поводу даты своего рождения поэт шутил, что от 8 марта в его душу пролилась особая нежность к женскому полу:

Я был любимым лучшими из женщин,
Но, Господом с поэзией обвенчан,
Остался одиноким навсегда.

В военные и послевоенные годы Чашечников обучался в Кукарской семилетней школе, а затем – на художественно-оформительском отделении в культпросветшколе в Таре, был прекрасным чтецом. Трудные годы детства, суровая природа родного края, непростая жизнь скотоводов и землепашцев таёжного Прииртышья занимают постоянное и важное место в творчестве поэта. Работал в сельских клубах, в тарской районной газете, где занимался в литературном объединении «Таежные зори» и опубликовал свои первые стихи.

Леонид Николаевич работал в сельских клубах Тарского, Колосовского и родного ему Седельниковского районов, в тарской районной газете, где и опубликовал первые стихи. В Омске работал слесарем на заводе имени Баранова, трудился на освоении целинных земель, на стройках, оборонном заводе, был шахтёром, библиотекарем, заведовал сельским клубом и без малого два десятилетия отдал журналистике.

В самой знаменитой песне Чашечникова, созданной в соавторстве с известным сибирским композитором Борисом Ярковым, «Омские вечера», звучит такая строчка: «Хороши, говорят, вечера в Подмосковьё, но и в Омске не хуже они...» Вот уже долгие десятилетия «Омские вечера», пусть пока и неофициально, считаются гимном города Омска. Омичам поэт Чашечников

оставил нестареющую песню: «Я люблю этот город, мой город зелёный у могучей реки Иртыша».

У меня две реки, как две верных руки:
Справа — гордый Иртыш, слева — вольная Волга.
У меня по России везде земляки
И причалы везде на пути моём долгом.
На яру постою — Ермака воспою,
На песчаной косе возвеличу Степана.
У меня две реки, как две сильных руки,
Караваны ведут — кораблей караваны.
Справа — глубь-глубина, слева — голубь-волна.
Правой сила дана, левой нежность и ласка.
И на все времена лишь Россия одна —
Лебедь-песня моя, моя вечная сказка.
(«Лебедь-песня»)

В 1964 г. Чашечников переехал в Астраханскую область. Первые пять книг, в период с 1969 по 1981 г., вышли в Волгограде. Там он был принят в Союз писателей СССР. В Астрахани работал в районной газете «Заря Каспия», сотрудничал с центральными газетами «Советская Россия» и «Сельская жизнь», руководил литературной студией «Высота».

Об Астрахани им сложено немало прекрасных стихов:

Шёл по дорогам я, бродил по тропам,
Сгорал в июле, мёрзнул в январе —
Пока на стыке Азии с Европой
Явился белый город на заре.
Он колыхался, как мираж в пустыне,
Он отражался в маковках кремля,
Он расплзался красками густыми
В развалах за кормою корабля.
Над пристанями чайки голосили,
Тянуло с Волги волглою пенькой...
Старинный город на краю России,
Такой, как все — и всё же не такой!
Двадцатый век и здесь
Взметнул над водью
Громады из бетона и стекла,
Но в тихих улочках живёт сегодня
Та Астрахань, которая — была.
Она застыла в каменных фасадах,

В смешенье стилей русских и татар,
 Она торгует на Больших Исадах,
 Сбывая свой немислимый товар.
 И продавцы – немислимые сами –
 С немислимых приехали сторон:
 Кавказцы с чёрно-синими усами,
 Мордовки с расторопностью ворон.
 Гудит, бурлит Семнадцатая пристань –
 Туристы изнывают от жары.
 И страшно возмущаются туристы,
 Что нет в продаже воблы и икры.
 А на базаре бабы языкасты:
 Коль спрашиваешь – слушай, рад не рад.
 Толкуют, что мелеет Волго-Каспий,
 Что рыбу, мол, изводит Волгоград.
 Что виновата, будто бы, плотина
 (А может, вовсе не в плотине суть),
 Что сами ждём с путины до путины,
 А на продажу – нет, не обессудь...
 Ну что с них взять, с базарных тараторок!
 Мне Астрахань не слухами мила –
 Стоит в низовье Волги белый город,
 С которым жизнь навек меня свела.
 Я начал уставать от долгих странствий.
 Сибиряка по нраву и крови,
 Зачисли меня, город, в астраханцы
 За робкое признание в любви!
 («Астрахань»)

В 1975 году Леонид Николаевич был в Воскресенске и Кукарке, но очень недолго и никого из своих школьных товарищей не встретил. Вновь посетить родные места он надеялся в ближайшее время, как и побывать в милой его сердцу Астрахани. Однако не все чаяния поэта при земной жизни оправдались...

Отцветает душа, как июльские травы.
 Сорок лет –
 словно сорок дорожных столбов.
 Повороты налево,
 развилки направо,
 На двадцатой версте остановка –
 Любовь.
 На двадцатой версте

возле речки Васюшки
Укрывали меня краснотала кусты...
В твои чёрные косы
вплетали подружки
Васильки да ромашки,
да кашки цветы.
На цветах не гадал –
точно знал, что не любит,
Безответно страдал
да стишата кропал,
За спиною шушукались добрые люди,
Мол, пропал гармонист...
Я и вправду пропал.
Сколько брёл – не обрёл ни семьи, ни покоя,
Гладил чёрные косы –
да всё не твои.
Над рекой Иртышом
и над Волгой-рекою
Пели мне о любви не мои соловьи.
Сердце нежно хранит ту любовь без ответа.
Это чувство в крови –
хоть отравой травы!
... На земле очень мало счастливых поэтов,
Оттого-то так много стихов о любви.

Зрелые годы Чашечников провёл в Астрахани, откуда он в 1979 году по направлению областной писательской организации поехал в столицу для учёбы на Высших литературных курсах при Союзе писателей. Закончив их в 1981 году уже на пятом десятке с красным дипломом, поэт довольно часто публиковался в журналах «Волга», «Москва», «Наш современник», газетах «Литературная Россия» и «Советская Россия», а также во многих других центральных изданиях.

С 1981 г. жил в Подмосковье, в деревне Семенково Сергеево Посадского района и Балашихе.

Неизменно по весне Чашечников приезжал в ставшие для него когда-то родными Волгоград и Астрахань, гостил у родственников и старых друзей, с удовольствием выступал со своими стихами на предприятиях, в институтах и школах, где пользовался заслуженным успехом.

Три книги после 1981 года были изданы в Москве.

Последние годы жизни поэт жил и писал свою последнюю книгу "Русская Голгофа" в Сергеевом Посаде Московской области.

Автор десяти поэтических книг.

Большой русский поэт Леонид Николаевич Чашечников скончался 19 декабря 1999 года на шестьдесят седьмом году жизни и был погребён в селе Семёновка Сергиево-Посадского района Подмосковья, где он проживал в последние годы.

Небольшая подмосковная деревня – четыре пятиэтажных дома на месте бывшего колхоза и несколько десятков добротных изб – стала последним пристанищем поэта.

Незадолго до кончины он звонил в астраханскую писательскую организацию «из-за пределов кольцевой дороги», по его выражению, и сообщил о выходе собственной книги избранных произведений, над которой долго работал.

Леониду Николаевичу удалось осуществить главную мечту своей творческой жизни. С помощью спонсоров выпустил он в столичном издательстве свою самую солидную книгу – «Русская Голгофа», в которую вошло двести пятьдесят стихотворений и две поэмы, полные тревог за Россию и надежд на её возрождение:

Старуха умерла под вечер
Легко и просто, как жила.
Тащила чугунок из печи,
Ухват из рук – и отошла.
Старуху в полдень схоронили,
Пришло на тризну полсела.
А всё не верилось Даниле,
Что Василиса умерла.
Ему мерещилось в потёмках:
То скрип ступенек на крыльце,
То в коленкоровой кофтёнке
С улыбкой счастья на лице
Она лежит на свежем сене,
Коса цыганская жгутом –

И поцелуй, и дрожь в коленях,
И всё такое, что потом...
О, этот мир любви и боли!
О, мудрость мира – старики!..
От недопаханного поля,
От недописанной строки
Они уходят понемногу
Туда, где нет добра и зла,
Оставив нам свои тревоги,
Свои заботы и дела.
И никуда от них не деться.
Но как прожить, чтоб уходя,
Оставить от себя в наследство,
Как шум весеннего дождя,
Как шелест листьев на осине,
Как запах хлеба на току –
И о любви, и о России
Одну бессмертную строку?..
(«Старики уходят понемногу...»)

Представляя читателям свою новую книгу, оказавшуюся последним прижизненным изданием, наш земляк писал в предисловии: «В силу различных причин — и в первую очередь потому, что большинство книг вышло в провинции, имя моё недостаточно известно широкому читателю. Нет смысла оправдываться и набивать себе цену — это лукаво и бесполезно: судить-то об этой книге всё равно вам, читателям! Скажу только, что тут я весь — со своими слабостями и достоинствами, со своим сложившимся мировоззрением. А поэтому не нужно искать в моих стихах каких-то партийных или идеологических пристрастий. Я был и остаюсь свободным православным русским человеком — и этим сказано всё!»

2. Анализ творчества.

Известный поэт и критик Владимир Туркин в вестнике омского землячества в Москве «Земляки» в декабре 2005 года охарактеризовал творчество поэта так: «Леонид Чашечников — поэт эмоциональной силы, поэт своего видения, своего отношения к жизни, своего понимания этой жизни. Он знает что утверждать и утверждает по убеждению. Он не всё знает о жизни и потому способен сомневаться, мучиться, искать, верить, разочаровываться, но за всем этим надежная нравственная и гражданская основа и — главное страсть, порыв, безразличие. Большинство стихов написаны им на оголенном нерве чувства, взволнованно от настоящности его отношения к жизни, к поэзии.

Леонид Чашечников — поэт талантливый, истинный и отношение к нему должно быть серьёзным, внимательным, поддерживающим...

Почти всё, что мною прочитано, вызвало у меня сопереживание и чувство открытия для себя нового поэта, глубинного и страстного по своей сути. Его стихи надо читать и перечитывать вдумчиво, несуетно, и вы найдёте множество строк и стихотворений, которые поэт адресовал именно вам! Такова магия слов истинного таланта, поэта, как говорится, от Бога».

Леонид Николаевич Чашечников был по духу молодым, находчивым, остроумным человеком. Его поэзия искренна, мудра и предельно автобиографична, что придает ей особую силу и притягательность. Творчество поэта многолико и многогранно, отражает богатый внутренний мир художника, проникнуто горячей любовью к Родине, к простым людям, к родной природе. Обращаясь к истории России или оценивая её сегодняшний день, поэт сумел выразить свою гражданскую позицию, твёрдую веру в возрождение своей страны и её духовных сил.

Многие его стихи стали песнями. Это — «Краски осени», «Лебедь-песня», «Россия, женщина, берёза».

Принимаю, словно неизбежность,
Пепел лет, осевший на виски.
Всю мою любовь к тебе и нежность

Выпили поволжские пески.
Лгать не надо: стали между нами
Годы, люди, вёрсты и вражда.
Всё прошло.
Осталась только память.
Память, к сожаленью, навсегда.

Перу Чашечникова принадлежит немало мудрых афористичных строк:

Не путай с пустоцветом красоту,
Осу с пчелой, смотри, не перепутай!
Когда весна, когда ты сам в цвету,
Легко всю жизнь перечеркнуть минутой.

В поэме «Времена и сроки» – одном из главных исповедальных произведений поэта, Чашечников так описывает начало войны:

Война крестьян застала на покосе.
Приехал в табор третьего звена
Под вечер водовоз, старик Абросим,
И, заикаясь, выдавил: – В-война!
Бабёнки в слёзы сразу – охи, ахи,
А мужики – в дебаты о войне,
Хоть у самих холщовые рубахи
Примёрзли к мокрой от жары спине.

Воспоминания детства горьки и печальны, они отчётливо врезались в память впечатлительного мальчика, застыли перед глазами чредой страшных картин:

Не оправдать любой войной суровой
То, как, бывало, выла детвора,
Когда у вдов последнюю корову
За недоимки гнали со двора.
Не позабыть, как сторож, дед Василий,
Насыпал на току зерна в пимы –
И старика за это посадили –
Он так и не вернулся из тюрьмы.

Горечи тыла становились тяжёлым эхом рокошущей на западе войны, а мальчик Лёня наблюдал за жизнью односельчан и ужасался тому, что переживает его страна и близкие люди. Потому, когда на сломе эпох россияне потянулись на отдых в Европу, поэт писал:

Берлин и Кёльн, Мадрид и Рома, –
Всё «эль» да «эр» – петля, топор...

Я видел ту Европу дома
Такой, что страшно до сих пор.

Многим позже он написал стихи, в которых признавался, что досматривал за сыном сны о войне, тем самым ограждая ребёнка от ужасов фронта и тыла, обрекая себя на очередные сеансы кошмарных воспоминаний. Чашечников стал тем человеком, который имел полное право написать: «Берегите Россию! В ней тесно солдатским могилам», – ведь сам видел, как земля полнилась могилами в сороковые и позже, когда уходили израненные воины. Об этом одно из самых сильных его произведений – «Я вновь про это». По сути Чашечников в одном стихотворении создал локальный эпос о селе и поколении ушедших. Этакая «Илиада» без возврата, где к месту всё, в особенности рефреном звучащее:

Я вновь про это, вновь про это –
Я вновь про баб да мужиков.
Стоит в тайге за Тарой где-то
Деревня испокон веков.

«Испокон веков» – вот с чего начинается эпос, уводя нас в дремучую древность. А как давно это было? И поэт отвечает: ...кто упомнит? – Ни Бог, ни мох на скатах крыш. Вот уже и сам Господь не помнит, насколько стара деревенька. А поэт не просто родился, а «Явился, чтоб продолжить род» и в нём «мужичья стать и прыть». Грядущим поколениям, что продолжают род, стоят напоминанием обелиски, которые «...простоят ещё века», напоминая живущим о бессмертном подвиге ушедших. Для него этот возвышенный тон, переводящий стихотворение в эпическое, – само собой разумеющийся. Поэт – часть эпоса, он вещает изнутри, прозревая прошлое и будущее, полынно-горькую жизнь в оба конца на долгие годы. Нравственным установкам и жизненным принципам Лёни во многом помогло сформироваться его детство. Растя без отца, мальчик всё острее понимал тяготы жизни своей матери и иных женщин села, сравнивая их судьбу с полыньёю, стойкой и горькой. В поэме «Времена и сроки» Чашечников восклицал:

...Какой дурак сказал, что бабы слабы?!
Когда б сбылось желание моё

– Я монумент бы отлил русской бабе
За силу и терпение её.

С раннего детства зрела в мальчишке любовь к Родине, к суровой сибирской природе и живущим на этой земле людям. Для него «великая Россия / С этой же деревни началась». Многому Леонида научили дед-лесник «седой и властный», «ласковая бабушка» и мама «разбитная, молодая». Старик надеялся, что внук продолжит его дело, говоря соседям: «Ращу я внука-лесника / На смену прадеду и деду». Однако судьба повлекла Чашечникова по городам и весям, уводя далеко от отчего дома. «Не важно, как живут поэты, была б поэзия жива» Поэта помотало по стране. Жизнь настырно била «в душу, душу выбить силась», но испытания всё сильнее закаляли характер Леонида. Меняя места жительства, Омск на Астрахань и Подмосковьё, Иртыш на Волгу, Чашечников силится убежать от накатывающей ностальгии. На берегах Волги ему чудился плеск Иртыша и мелодия песни «Омские улицы», написанной другом юности Михаилом Сильвановичем.

Вновь и вновь поэт возвращался к теме прошлого, безвозвратно ушедшего времени первой любви. Писал о солдатской вдове Тосе, в которую был без памяти влюблён:

Послевоенные покосы!..
Среди безмужнего бабья
Была одна. Прости мне, Тося,
Что нынче тайну выдал я.
Но лет-то столько миновало!
Быль чернобылом поросла.
О, как ты, Тоська, целовала –
Взахлёб, без меры, без числа!

Но история эта – не бахвальство, а горький рубец на сердце, позволивший многое понять о жизни и признаться, что вдова любила вовсе не юнца, просто «походил я на солдата, / Который не пришёл с войны».

Вся жизнь поэта – череда измен, потерь, предательства. Нескладная и непоэтичная. И хоть порой он восклицал, дескать, «всё, кроме смерти, – беда не беда!», в каждом стихотворении чувствовалась боль. Собственно,

Чашечников её и не скрывал. Он был по-мужски, по-мужицки даже, сдержан, но не скуп на эмоции. Поэт вспоминал юность, но прекрасно осознавал, что осень его жизни на излёте, что «всё меньше дров в поленнице, а впереди – зима». Потому без утайки исповедовался перед читателями в своих стихах. Писал о женщинах, которых любил и которые любили его, о семье, о пристрастии к алкоголю, о своём и чужом предательстве. Искренне и горько, ведь только такой бывает исповедь человека, который оглянулся, и понял, что дров осталось на пару вечеров, а «дни идут на убыль». Он оглядывался и цепенел от ужаса и восторга: «Какие снега отмели и растаяли, Боже! / Какие леса повзрослели и сгнули вновь!»).

Чашечникова не нужно идеализировать. Да, в молодости он пил, семейная жизнь разладилась, и вообще, поэт, скорее, пример того, как не построить дом, не вырастить детей, как разладить всё, что есть. Его можно корить за это, судить. Но одного не отнять – Чашечников признавал свою грешность и открыто говорил о себе:

А все мои невольные грехи,
Никчёмные борения и битвы
Забудутся.
Останутся стихи,
Как робкое творение молитвы.

Остались не истории о склоках и сельских девушках, которые, якобы, почти все перебивали в постели поэта, а стихи – искренние, пронзительные. Шельмовать поздно, ведь «не важно, как живут поэты, / была б поэзия жива!». Начиная писать о детях, Чашечников в глубине души радовался, что они «с судьбой на мою непохожей» и не повторили его ошибок. Тут же следовали строки о «жене, разделившей <...> и горечь, и мёд» и вдруг поэт переключался на возвышенное:

«Лечу в запредельность и думаю: праведный Боже, /
Когда снизойдёт Он и русскую душу поймёт?!».

Возникает ощущение, что строки о семье для него менее важны, нужны, приятны. А рассуждения о том, когда Господь снизойдёт на Россию и

поймёт русскую душу, –напротив. Попытка укрыться в стихах от реальности, закутаться в кокон, где поэту комфортнее. Многие века до него искали ответ – не нашли, но Леонид окунался в бурное море вопросов. А жена, которая извела «горечь и мёд», уходила на второй план. Он художник слова, и житейское ему чуждо. О месте поэта в мире, о поэзии как судьбе и кресте Чашечников писал часто и с болезненным самобичеванием:

«На земле очень мало счастливых поэтов – /
Оттого-то так много стихов о любви».

Он вновь и вновь возвращался к дилемме любовь/творчество: «...Поэтов бы намного было меньше, / Когда бы у поэтов всё сбылось», и порой кажется, что пытался все житейские неурядицы списать на несовместимость творческого пути и семейной жизни. Поэт признавал, что в любви ему не везло, а в жертву сильным стихам порой приносились сильные чувства:

«В любви поэты невезучи сплошь. /
Пока научишься строке правдивой – /
Десятки раз изранишься об ложь».

Убеждённый, что там, «Где властвует любовь – безмолвствуют слова», он не мог жить во лжи. В особенности когда чувствовал «навязчивую горечь поцелуя», когда уже не любит и делает то, за что, точно знал, его осудят:

«Пусть люди говорят про долг и всё такое –
/ Я больше не могу! Я у любви в долгу».

От спутницы же поэт требовал невозможного, оттого чувствовал даже рядом с любящей женщиной «пока ещё не одиночество, а одиночество души». Когда же эгоистичные запросы поэта аukaлись непониманием или предательством, он мстительно восклицал:

...Чтобы ты заметалась, завыла
Одичалой волчицей по мне.
Чтоб тебя от прозренья знобило
И, тщету свою бабью кляня,
Ты однажды себя разлюбила
И опять поллюбила меня.

Последним словом в стихотворении звучит высокомерное «меня», а затем – точка. И тем удивительней, что написав это, не слукавил, не

попытался представить свои душевные метания в выгодном свете. Написал всё, как есть, ведь поэт – такой же человек, обуреваемый страстями. О страстях подробнее... Чашечников не завидовал деньгам и славе. Его зависть – к гениальности поэтов, которые были способны создавать шедевры:

А был ли я завистлив? Нет и да.
Мечтая о грядущем воскресении,
Завидовал Рубцову и Есенину –
Богатству или власти – никогда!

Подчиняя свою жизнь творчеству, всецело отдаваясь поэзии и раздражаясь, когда его порывов не понимали, Чашечников неминуемо оставался один. Он констатировал, что

«был любимым лучшими из женщин, /
Но Господом с поэзией повенчан,
Остался одиноким навсегда».

Гнетущее одиночество виделось ему не результатом собственных действий и собственной неуживчивости, а закономерной ценой за дар поэзии. Настоящим художникам слова, отмеченным «печатью пророка», всегда одиноко, их никогда не понимают. Порой при прочтении стихов Чашечникова возникает острое ощущение, что временами поэт сам нагнетал непонимание, рушил отношения, чтобы душа и строка наполнилась горечью. Торжественно Чашечников писал:

«По воле рока – до конца, до срока /
Все боли мира сходятся на мне».

Для него ничего не было чуждого, горе и радость – «Всё это сквозь меня, во мне, моё!». Оттого он честен и предельно самокритичен, боялся фальшивой строки, «как расплаты», и жил «у строк в пожизненной неволе». Порой он и рад бы вырваться, но – нет! В каком-то смысле Чашечников – один из тех пленённых солдат, которые «Идут – и не придут с войны...», совсем, как у поэта Александра Башлачёва: «на второй мировой поэзии / признан годным и рядовым». «Рядовому», отмеченному «печатью пророка» жизненная парабола уже начерчена. «Высокие звёзды» Леониду Чашечникову довелось многое повидать на своём веку. Морские «кружева прибоя», цветущую степь... Однако, начав писать о чудесах окружающего

мира, он неизменно оговаривался, что любые красоты сравнивает с родной Сибирью. Он жил и подпитывался не проходящей ностальгией по невозвратной юности, по сибирской тайге и дому. С годами поэта всё чаще тянуло «Шагать дорогою, которой / Шагал за возом прадед». Он стремился уйти этой дорогой подальше от всегдашней суеты больших городов, однако «обречён любить и видеть / Глубинку ту из толчеи». Память о доме и глубинной, тихой России – его якорь в море смут «в час, когда закрутит лихо». Поэт чувствовал, как менялась Россия. Споры суетливого, циничного образа жизни проникали в быт горожан и селян. Тихой Россия уже не будет. Вернувшись в родительский дом, Чашечников рассуждал о лживости и изменчивости нынешнего мира, в котором «сместились года и эпохи», приведя к тому, что «новое – в старом, а в новом – старьё». Всё смешалось в жизни людей и в умах. Пожалуй, лишь напластования истории в народной памяти не давали людям безоглядно броситься в омут страстей:

Как раньше от веры в Иисуса не стали
Легко отречься, так нынче в избе
Висят на заборке Столыпин и Сталин –
Две разных предтечи в народной судьбе.

Да и сами люди вокруг жили, «как на кладбище здравого смысла, / Где правда и кривда сошлись на парад». Однако поэт всё чаще вспоминал о малой родине. Там «правда и кривда», но в столице кривда сплошь. А на родине « дороги санные, / Голубые кедрачи». Всё просто и ясно. Чашечников готов был сорваться, помчаться в родную Воскресенку, в город юности Тару, в шумящий «город зелёный / у могучей реки Иртыша» – Омск. Для себя он давно решил, почему рвётся в Сибирь: «Душу там оставил я!» Но вместо радостных расспросов Воскресенка «свинцово молчит», а сват, опрокинув стопку, заявил: «Москва виновата. И ты виноват». Туманное существование умирающей деревни, вместе с которой истлевало его далёкое детство. Если в прежних стихах поэт писал «Я не люблю людей без корневища», то в поэме «Времена и сроки» старик напутствовал ему:

Спокойно поезжай: здесь нет твоих корней –

И деды, и дядья навечно под крестами,
Не ты один, кому грустить остаток дней
И грезить вдалеке родимыми местами.
Жестоко и правдиво и сам поэт констатировал:

....Мой дом теперь не здесь,
Свалился лес родни, сгноило корни время.
А что же есть? Москва. Россия.

Совесьть есть. Есть память прошлых лет и есть раздумий бремя.

В стихах Чашечникова величественная природа соседствует с неустроенностью судьбы деревни. Вроде бы, «покосный запах» и «кукушкин плач». Всё пастельно, легко, но вдруг тон меняется и читателю подставляется разваливающаяся деревня, заросшее подворье:

В село из-за реки плывёт покосный запах.
Парит кукушкин плач на крыльях тишины.
Осевшая изба глядит, глядит на запад,
– Напрасно ждёт она хозяина с войны.

С горечью поэт рассуждал о том, что было бы, вернись хозяин с войны:

Пью горечь жухлых трав, хмелея, не пьянею,
Задумчиво брожу заросшею межой.

Родимая земля!

Что бы случилось с нею,

Когда бы не лежал солдат в земле чужой?!

Эти стихи не только о послевоенном, тихом и выедающем душу ужасе, а о нас сегодняшних. Почему люди разъезжаются и сёла приходят в запустение? Почему зарастают палисады? Здоровые мужики погибли на фронте? Нет же, они сидят перед компьютерами и играют в «Танчики». Люди измельчали. Цивилизация душит их: «Стоит среди лесов и полей многоярусный дом, / Стоит среди деревни, где сущность деревни забыта». Сытый достаток нашего времени Чашечников безжалостно препарировал, показав, чего стоит эгоизм:

Глядишь, живёт – не дом, а чаша,
Но справное житьё-бытьё
Позаслонило слово «наше»
И снова выползло – «моё»!

Это страшное «моё» звучит в его стихах предупредительным рефреном:

Государство, рассуждаю – наше.
Печь вот эта, стало быть, – моя
И моя в печи из гречи каша.

А тайга за окнами – ничья?
Оттого-то волокут и тащат
И жирует, множится жульё,
Что в ничьё оборотилось «наше».
–Раз ничьё, сам Бог велел – моё!..

Будучи человеком культуры, он часто общался с чиновниками, нуворишами и теми, кто норовит именовать себя новой интеллигенцией. Последние, к слову, самые страшные – жуткие «бандерлоги», уверенные, что именно они – культурная прослойка. Всех их поэт обличал в привычной, безжалостной манере:

Непотопляемый, упругий,
Усвоивший почём почёт
– Саму поэзию в прислуги
Пристроил за народный счёт.
Чтобы, приплясывая, пела
Под свинг мажорная строка,
Чтоб ублажала только тело,
А ум – не трогала пока.

Это они – кромсатели культуры обосновались в городах, забыли простую истину – народу «...не прожить без двуединства, / Без братства города с селом». Спасение же таится в самой деревне. Чашечников описал период посевной, когда типичный сельский мужичок вдруг решился выйти в поле, надев белую навывпуск рубаху и «сотворив земной поклон», а после «добавил: – С Богом, – он, / Хотя навряд ли верил в Бога». Это следование полузабытым традициям, живущим в потаённых уголках народной (генетической?) памяти поразило и самого мужичка и поэта, который одновременно радовался происходящему и не верил до конца, что новый росток настоящего пробился через года и века. Житель села, человек от земли, шёл по полю, которое помнило его пращуров, в рубахах навывпуск, с горстями пшеницы, и засеивал его. А мы вымарываем из своей памяти и души былое. В этом поэту виделась трагедия. Он предрекал пожар: «Клён сгорел. Рябина догорает. / Впереди – и Родине гореть...». Пламя раздувает каждый из нас, мир меняется необратимо, в нём «Коварство правит и металл».

А на просторах России забытые всеми сёла ждут, пока проснётся народная память: «В урёме загорской домов одичавшая горстка / Над полюшком белым белесые стелет дымы».

Образ дома крайне важен для Чашечникова. Дом для него традиционно – русский мир, Россия и вписанная в неё малая родина на берегу реки Иртыш. Обязательно нужна река. Без неё никак, ведь тайга, река и память – три кита творчества Чашечникова. В молодости поэт «...мечтал построить дом: / В конце села, за кузней, над прудом», однако в годы зрелости привык к горемычной судьбе поэта, у которого нет своего дома, который шёл по России и по творческому пути, набивая шишки, а каждый приступ боли отзывался новыми стихами....

А дом с рябиной – будет, как помру,
К нему слетятся птахи по утру
И прощечечут песенку о том,
Как я при жизни – не построил дом.

Поэт понимал, что народ без деревни не выживет, ведь «Сильна Россия и спокойна / Пока крестьянин в поле есть». И пока вокруг слагали оды политикам и нуворишам, он писал «Оду крестьянским рукам». Чашечников не сводил рассказ о деревне к монохромному представлению белого и чёрного. В описываемой им деревне, как и в реальной жизни, все цвета и полутона. Здесь и пьют, и любят, и страдают, предаются и каются, наивно верят в лучшее, но ждут худшего.

А пьют в Сибири здорово,
Размашисто, по-русски!
В пивнушках, под заборами,
С закуской, без закуски.
От слабости, от гордости,
С друзьями и без оных,
Глуша обиды-горести
Вином и самогоном.

Обсуждение главных тем и животрепещущих вопросов ведётся за столом. Этакое пьяное сельское вече перемалывает одну новость за другой:

Их мозг сверлит отчаянно

Иной вопрос, признаться:
Случайно, не случайно ли
Глупеет нынче нация.
Случайно, не случайно ли,
Нахально иль законно
Свой лик несут начальники
В народ, аки икону?

Селяне у Чашечникова не глупы, как это показано у некоторых поэтов, не мудры, а по-детски наивны. Они такие же, как он, точнее он – такой же, как они. Селяне спрашивают у городского жителя, будто у светоча знания, не понимая, что он ни о чём новом им не расскажет. Отвечая на вопрос, чего теперь ждать, он сообщал: «– Не ведаю, / Но будет худо, братцы!». Предощущение грядущего пожара не оставляло. А иначе и не может быть, ведь по всей стране «...Стоят обелиски, как надолбы, / Пред новою сечей большой». Чашечников постоянно ждал слома, новых испытаний, не привыкший жить спокойно и мирно, уверенный, что в спину вонзится нож, и понимающий – нужно успеть высказаться.

Россия в представлении поэта – страна, «которая вечно кого-то и что-то мучительно ждёт. При этом всё в мире не случайно, всему есть своё место в божием замысле. Даже листья на деревьях нужны, «Чтобы присел усталый путник в тень», добро и зло тесно сплетены. «Зарю предвещая, кричат петухи в полумгле», и кажется, что добро победило, «Но вороны взмыли в ненастное плоское небо». Быть может, и Россия несёт свой крест, проходит своим путём. Однако небо над Россией родное для поэтов и птиц – перелётных, парящих под облаками и за облаками, витающих в облаках. «Не всё то небо, что у нас в России, / Но, птицы, ваша родина – у нас!». Чашечников и сам, как та птица, улетел, чтобы вновь и вновь возвращаться на родину, пусть и в воспоминаниях.

Осень – пора увядания, и в последние годы жизни поэт чувствовал, что осень его жизни заканчивается, «отцветает душа». Всё больше сильных,

исповедальных стихотворений выходило из-под пера Чашечникова, но «когда деревья осенью цветут – / Они цветут обычно перед смертью».

Поэт много в жизни натворил. Пил, «куролесил», и сейчас, когда Чашечникова активно ругают за эгоизм, тяжёлый характер, стоит вернуться к стихам поэта, чтобы понять, что он был сам себе безжалостным судьёй.

Михаил Сильванович писал: «Надо прочесть и перечесть всё им написанное, и ответ придёт сам собой – это типичная жизнь таланта, умещённая в один мотив, в одну песню, в которой ни строчки, ни слова нельзя перепеть иначе».

Всякая жизнь для человека дорога. Путь от младенчества до старости, за которой маячит неизбежное. Нередко в стихах Чашечникова встречаются рассуждения о дороге и жизненном сроке, отмеренном поэту Господом.

Над бесконечностью дороги
Трепещет алый стяг зари –
И лик Христа на стяге этом –
То правды свет и жизни цвет!
Для православного поэта
Иного не было и нет.

Он не жалел себя, стремясь пройти достойно, оставив после себя сильные, честные строки. И пусть люди, не понимающие внутреннюю кухню литературного творчества, усмеваются: «ну да, «садил» сердце, вписывая строчки в блокнот...». Но читая «Вчера, над строчкой среди ночи, / Зажало сердце – хоть кричи» веришь поэту, ведь именно такое, самосжигающее бдение над стихами присуще не просто поэтам, а настоящим «демиургам языка». О таких писал Санкт-Петербургский поэт Игорь Царёв:

...Но кто бы знал, какой ценой
Им достаётся почерк лёгкий,
И сколько никотина в лёгких,
И сколько боли теменной,
Как прогорая до трухи,
В стакане копятся окурки,
Как засыпают демиурги,
Упав лицом в свои стихи.
Чем не портрет поэта?

Друг и соратник Чашечникова, Михаил Сильванович в предисловии к крайней, посмертной книге друга «Цветы и тернии любви» писал: «Сердце разорвалось во сне. Смерть оказалась легче жизни, в которой он маялся и слишком долго был одинок – под конец остался в своей однокомнатной квартирке вдвоём с котом Шуркой». Стихи и проза – вот то богатство, выжимка душевных терзаний, путевые заметки идущего по стезе пророка, что осталось нам в наследство от Леонида Чашечникова. Мы – страна крайностей: «У нас ведь как: молитва или мат», – и Чашечников прекрасно понимал русскую душу, будучи предельно откровенным. Он рассказал о себе, но рассказал так, что каждый может задуматься и найти ответы на множество терзающих нас вопросов.

Последняя прижизненная книга Леонида Чашечникова содержит и стихотворения, и венки сонетов, и поэмы. Название «Русская Голгофа» выбрано поэтом не случайно. Настоящие поэты идут к своей Голгофе всю жизнь, а Чашечников всегда жил не слишком уютно, если из-под его пера рождались такие строки:

У жизни, у судьбы прошу долготерпенья –
Не почестей прошу, не злата-серебра.
Чтоб рано на заре, заслышав птичье пенье,
И самому запеть во здравие добра.
Чтоб, выйдя за порог, почуять дуновенье
Пропахшего росой степного ветерка.
Не почестей прошу, а только вдохновенья –
Чтоб клеилась любовь и ладилась строка.

«Русская Голгофа» — это мудрая книга много страдавшего человека. Сегодня мы воспринимаем её как поэтическое завещание Леонида Николаевича Чашечникова.

3.Память

В 2002 году Администрация Володарского района утвердила литературную премию имени Леонида Чашечникова, которая вручается каждый год за литературно-художественные произведения, созданные в традициях российской духовности и пропагандирующие гуманизм, нравственность, дружбу между народами и любовь к Родине. Эта литературная премия приурочена ко дню рождения поэта. Учредителями премии выступают Администрация Володарского района и правление Астраханского отделения Союза писателей России.

С 2003 года премия в виде денежного вознаграждения вместе с Дипломом лауреата вручается астраханским писателям и поэтам за лучшие литературно-художественные произведения. В числе ее обладателей: Павел Морозов – автор книги стихов «До востребования» и два поэта из поселка Володарского В. Мордвишина и А. Панжина (2003 г.), Владимир Филатов – за книгу стихов «Странник» (2004 г.), Борис Свердлов – за сборник «За единым мгновением» (2005 г.), Олег Севастьянов – за сборник очерков «В этом зареве ветровом» (2006 г.), Юрий Богатов (г. Харабали) – за сборник очерков «Молчи и веруй» (2007 г.).

Не только в Астрахани помнят и ценят поэта. С 28 февраля по 9 марта 2013 г. в Таре состоялись Первые региональные литературные чтения имени Леонида Чашечникова. Чтения эти были организованы в рамках возрожденного литературного фестиваля «Омская зима». В цикл мероприятий, подготовленных к юбилею поэта на его малой Родине, вошли конкурс песни, конкурс чтецов, конкурс эссе и методических разработок уроков, конкурс иллюстраций к произведениям Леонида Чашечникова. Финансовую поддержку конкурсной программе оказал благотворительный фонд имени М. А. Ульянова «Сибирская глубинка».

В день 80-летия Леонида Чашечникова на чтения в Тару приехало пятьдесят участников фестиваля. Среди гостей были ведущие литераторы России, редакторы, культурологи из Белоруссии, Украины, Дагестана,

Казахстана. Почтили Тару своим вниманием заслуженная артистка РФ Людмила Мальцева и народный артист России Юрий Назаров. Гости побывали на открытии литературного музея в библиотеке, познакомились с экспозицией под названием «Щемящей памятью живой», посвященной Леониду Николаевичу, посетили выставку иллюстраций к произведениям поэта в Тарском художественном музее. Итогом мероприятия стал литературный вечер «Я к тихой родине приду», который состоялся в Омском государственном Северном драматическом театре имени М. А. Ульянова. На вечере говорили о жизни и творчестве Леонида Чашечникова, собравшиеся читали свои стихотворения, делились впечатлениями о гостеприимной земле Тарского Прииртышья.

23 марта 2013 года состоялся поэтический вечер «Неважно, как живут поэты, была б поэзия жива...», посвященный восьмидесятилетию со дня рождения поэта Леонида Чашечникова, и в центральной городской библиотеке имени А.С. Горлового в городе Сергиев Посад.

Последние годы, после того, как перебрался в Сергиево-Посадский район, Леонид Николаевич активно встречался с жителями Сергиева Посада и других городов района, проводил множество поэтических вечеров, отличительной чертой которых были артистичность и искромётность автора. На одном из вечеров, посвящённом итогам конкурса «Посадская лира – 98», он сказал: «Я утверждаю, что не менее пяти-шести человек из сергиевпосадских поэтов достойны быть принятыми в Союз писателей».

Через семь месяцев, в мае 1999 года, в библиотеке Сергиева Посада состоялась выездная сессия правления Союза писателей России, на которой шесть человек из четырнадцати, представивших рукописи и книжки, были приняты в Союз писателей. Так что можно смело утверждать, что не только талантливым астраханцем Леонид Николаевич Чашечников дал путёвку в большую литературу.

К сожалению, на малой родине – в Тарском районе, его имя почти забыто, утерян интерес к литературному наследию талантливого автора.

Инициатива тарчан о присвоении имени Леонида Чашечникова центральной районной библиотеке так и осталась нереализованной.

В 2013 году в Москве омским землячеством издана книга избранных стихотворений Леонида Чашечникова "Цветы и тернии любви".

В марте 2015 года состоялись Вторые чтения, на которых жителям и гостям города Тары была представлена литературно-музыкальная композиция на стихи поэта в исполнении артистов Северного драматического театра имени М.А. Ульянова. Это выступление для многих стало настоящим откровением. Честный, искренний и абсолютно безжалостный к себе Чашечников оказался близок каждому. «Всё, кроме смерти, – беда не беда!»

Тем, «кто любит творчество известного омского поэта Леонида Николаевича Чашечникова», посвящена страница его памяти «Певец печали» в популярной социальной сети «ВКонтакте».

4.Воспоминания.

4.1. *Записала Вероника ШЕЛЛЕНБЕРГ*

«В конце 60-х годов Леонид Чашечников заведовал клубом в селе Екатерининском. Леонид замечательно играл на баяне, был прекрасным певцом, чтецом и танцором. Душа компании! Следуя деревенской моде, весной Леонид украшал кепку фуражку цветущей веточкой черемухи или яблони. Выглядел он так, как изображали передовиков комбайнеров старые советские фильмы: интеллигентное лицо, широкая улыбка, богатая шевелюра, статная фигура. Одет в телогрейку, но под ней аккуратная белая рубашка, галстук, отутюженные брюки. Таким запомнила Чашечникова Лидия Павловна Горшкова, пенсионерка, жительница Тары, а в те годы молодая учительница в селе Екатерининском:

- У сельской молодежи танцы были в большом почете. Отплясывали польку «Бабочку», фокстрот и краковяк. Клуб располагался в здании церкви, в которой каким-то чудом уцелел иконостас – непривычное дополнение к советской действительности. Железную печь в церкви-клубе Чашечников топил сам.

Когда начинались танцы, Леонид с баяном становился в центр, играл, пел и даже танцевал, не выпуская баяна из рук. Обычно начинал с вальса «На сопках Маньчжурии». Далее шло любимое: «С утра побрился, и галстук новый в горошек синий я одел, купил три астры, в четыре ровно я прилетел...» или задорная «Старушка не спеша, дорожку перешла». А вот песню «У меня есть сердце, а у сердца песня, а у песни – тайна, тайна – это ты...» Леонид пел по ночам под окнами общежития, где вместе с другими молодыми учительницами жила его зазноба – Екатерина. Окна были низкие, почти вровень с землей. Унять певца выскакивала другая учительница, грозя: «Чашечников! Я тебя в сельсовет завтра отведу! Прекращай шуметь!» Он ретировался в лес, а потом возвращался и снова пел. Но с Екатериной у Леонида так и не сложилось...

Стихи свои Леонид в клубе читал с успехом, недаром он был великолепным чтецом. Однако тогда никто не предполагал, что поэзия станет его судьбой. Прежде всего, Чашечников запомнился как заводила, рубаха-парень, замечательный баянист и организатор. Он создал в сельской школе хор, в котором аккомпанировал вместе с Устюжаниным, игравшим на аккордеоне. Чашечников мог собрать желающих и на танцы, и на субботник. Стоило ему сказать: «Ребята, завтра убираем территорию вокруг клуба», как с вилами и граблями являлось полсела. Он работал вместе со всеми, а потом здесь же, возле клуба, играл на баяне.

Весной танцы затягивались до полуночи. «Все, говорил Леонид, теперь вышибаловка!» Это значит последний танец. Его уговаривали: «Леня, ну еще один!» А потом еще, и еще... Чашечников, казалось, не чувствовал усталости – наигрывал любимые мелодии снова и снова. Потом, с баянистом во главе, все отправлялись гулять по деревне и дальше, на берег Иртыша. Светало. Шли по Иртышу пароходы. Как замороженные, смотрели им вслед девушки и парни, махали платочками, слушая в ответ их протяжные гудки...

PS. Яркая литературная жизнь Чашечникова еще только начиналась. Впереди была Астрахань, Москва, Балашиха, Сергиев Посад... и долгий путь через страдание и терпение к прозрению в Слове и жертвенности ради Слова. Как определил сам поэт: «Господом с поэзией повенчан, остался одиноким навсегда...». Он постоянно мучился от того, что ставил литературное творчество выше личного благополучия, семейного счастья, каких-либо бытовых удобств или карьерных соображений. По жизни его вела Поэзия, и ей он служил до конца, фактически окончив свою жизнь в нищете, но подарив перед прощанием с читателями и любимой им Россией «Русскую Голгофу». Ради издания этой книги Чашечников продал свою старенькую «Волгу».

4.2. Воспоминания Александра Маркова.

Живу не свято, не богато -
То грубоват, то пьяноват,
Не виновачу виноватых -
Сам перед ними виноват.
Вину забудут, канут в Лету
Пороки, слава и слова.
Не важно как живут поэты -
Была б поэзия жива!

Этот рисунок со стихотворным автографом Леонида Чашечникова сделан астраханским писателем Александром Марковым.

Воспоминаниями о Леониде Чашечникове он делится в записках «Ускользящее время», опубликованных на сайте газеты «Волга»: «Вчера, в два часа дня, на квартире поэта Леонида Чашечникова собрались астраханские поэты и литераторы, чтоб проводить старый год, а заодно и поздравить Леню с новосельем. Всего месяц назад он получил двухкомнатную квартиру по улице Калинина, 30. И я, поздравив его с новосельем, преподнес ему свой рисунок графическое изображение Варвациевского канала с церковью Иоанна Златоуста вдали. Тостов было много...»

4.3. Вспоминает Михаил Сильванович.

«В воскресенье 19 декабря 1999 года у меня дома раздался междугородний телефонный звонок. Междугородние звонки отличаются от городских – они пугающе частые. Даже по пустяку трезвонят как с пожара. Но тут действительно... Незнакомый мне человек, звонил из подмосковной деревни Семенково. Это место неподалеку от Сергиева Посада вот уже несколько лет жило в моем сознании слитно с Чашечниковым.

Неделей раньше Леонид сам звонил мне оттуда, сказал, что дней на десять ложится в больницу. Договорились, что я позвоню ему после вторника. Но вот, вклинился этот воскресный звонок, известивший, что надо ехать на похороны. Леонид умер ночью на пятницу в участковой больнице на 67- году от роду. Сердце разорвалось во сне. Смерть оказалась легче жизни, в которой он маялся и слишком долго был одинок – под конец остался в своей однокомнатной квартирке вдвоем с котом Шуркой.

Я смог добраться до Семенкова лишь за полтора часа до похорон. Посреди села нелепо торчат несколько панельных пятиэтажек, в одной из которых на третьем этаже и находилась последняя пристань поэта. Преодолеваю четыре лестничных марша со стоптанными ступенями. Обитая мореной рейкой дверь легко подалась, и с порога я увидел знакомых людей. Какие-то мужчина и женщина были на кухне, еще несколько человек смотрели на меня из комнаты. Наверное, я их удивлял ищущим взглядом, остановившемся, наконец, на двух простеньких венках, прислоненных к книжному шкафу.

Женщина на кухне спросила:

– Вы кто?

Люди не могли меня знать, они были из этой, сегодняшней жизни моего старого друга, в которую я вторгался сравнительно редко, причем по телефону чаще, чем наездами. Они зовут его непривычно для моего уха –

Леонидом Николаевичем. А для меня он сорок с лишним лет оставался Лешкой (так его в Таре звали все в нашей редакции, где мы вместе трудились «литрабами»: не Ленька, а Лешка, почему – не знаю). Это были сергиевопосадские литераторы, которых он успел объединить вокруг себя, некоторым дал рекомендации в Союз писателей России. Словом, знать меня в лицо они не могли. А вот кот Шурка по — родственному потерялся о мою ногу...

Главный вопрос, который меня интересует, – приехал ли кто из родных? Общественность и литературоведы чаще плачут задним числом. Тут незаменим свой человек. Сестра Тамара живет в Астраханской области. Дочь от первой жены – в Красноярске. В его залихватской молодости была романтическая история, воспетая им во многих стихах. И уже в зените лет разыскал его славный паренек Сашка и, против обыкновения, ничего другого не попросил, кроме права носить его фамилию. Тогда Леша усыновил... тридцатилетнего сына – нелепо звучит, правда? Но, знаю, он до конца дней гордился таким поворотом судьбы. Сын живет на севере Омской области. Попробуй, собери нынче всех, когда билет на самолет зашкаливает для среднего россиянина за пределы всяких утрат.

Похороны на чужбине – это в жутковатой яви как возмездие нам за то, что мы, гоняясь за журавлями в небе, покидаем свою родину. Леша в стихах воспел и эту печаль:

Да, я люблю, пронзительно люблю
Угрюмый лес и пасмурное поле,
Да, я скорблю – который год скорблю
О родине моей, о вольной воле.
Завидно мне, что деды и дядья –
И на погосте посреди знакомых.
От матери частенько слышал я:
«Здесь хорошо, а помирать бы дома...»

Я вздрогнул, услышав за спиной свое имя. Слава Богу, это была Тамара, Лешина сестра, которую я не видел, наверное, лет сорок. Она приехала с мужем Анатолием из Астрахани. Мы, обнявшись, заплакали. И

почти сразу же кто-то из вошедших произнес роковое слово: «привезли». Мужчины стали хватать с вешалки одежду, выходить на площадку. Снизу через открытую дверь подъезда доносились голоса, и задувал холодный ветерок, приправленный запахом хвои. Кто-то меня обгонял с двумя табуретками навесу. Когда я спустился, красный гроб с нашитым по верху черным крестом уже стоял на этих табуретках у подъезда. Двое мужчин сняли крышку. Есть выражение: гробовая тишина – это как раз относилось к наступившим минутам.

Я приподнял с лица покойного белое кружевное покрывало. Леша был таким, какого я видел менее чем два месяца назад. Только молочная белизна покрыла лоб и щеки. В черных усах виднелись проблески седины, и, совсем не портя вида, под едва заметной улыбкой пенилась белая- пребелая, примерно недельной давности, небритая борода.

Принесли крест, сработанный по всем церковным правилам и с распятием. С возрастом Леша все сильнее вращал в веру. Имел духовника из православных священнослужителей.

Привезли священника. Это был настоятель церкви из соседнего поселка Пересвет. Весь такой классический, здоровенный, с окладистой бородой и красивым басовитым голосом. Две женщины, которых Святой Отец называл по имени, стали вместе с ним готовить обряд. Они укрыли тело специальным церковным покрывалом, на лоб положили венчик, и Леша как-то сразу от всех отдалился, стал потусторонним. Когда женщины запели молитву, батюшка, выждав две-три фразы, по — шаляпински принял их распев и на низкой ноте довел до полной тишины. Короткая пауза, и снова торопливый речитатив, похожий на причитания. И снова покойный бас священника. Кто-то сказал мне, что батюшка здесь где-то поблизости руководил музыкальным училищем, затем принял сан и из руин воскрешал разрушенный храм в Пересвете. Теперь вот служит на священном поприще.

Закончив пение, батюшка поучает, в каком порядке надо вершить траурное шествие. Кто-то подошел с портретом покойного. Леша был снят для очередной книжки, наверное, ему хотелось смотреть с обложки залихватски – весело, с дымящейся перед лицом сигаретой... Священник строгим движением руки отстранил портрет, что-то еще сказал в назидание, и портрет унесли в кабину стоящей поодаль машины. Впереди процессии он поставил несущих крест, затем – людей с венками и крышкой гроба. Затем сам встал в колонну, за ним шестеро молодцов подняли красный гроб. И тут я заметил до жути трогательную деталь. С гроба или забыли, или не посчитали нужным снять ценник. Фанерная бляшка с карандашной надписью «1900» желтела на красной материи в том месте, где над краем гроба возвышались носки неношеных туфель, формально обутых уже не для ходьбы, а для полета.

Много раз видел, как хоронят литераторов. Больших и не очень. Во все времена кем-то устанавливался ранг похорон. В зависимости от ранга выделялись залы, кладбища. И даже гробы. До некоторых пор и в посмертных почестях замечалась определенная цензура. Сейчас все смешалось, на процедуру похорон расползлась аура не столь заметного ранее золотого тельца. Богатых и «крутых», словно откупаясь, или на радостях упаковывают в навощенные импортные ящики с открывающимися, как у самолета, «фонарями». Будто им там вылезать перед воротами рая или ада.

Скромный обряд для Чашечникова был куплен невесть на какие деньги. Три года назад он продал свою двухкомнатную квартиру в Балашихе, переселился в Семеново. Получая всего 300 рублей пенсии, он, разумеется, транжирил разницу между стоимостью балашихинской квартирой и здешней однокомнатной клетухой на житье. Знаю, стесняться себя он не любил, даже купил машину «Волгу», хотя сам за рулем никогда не сидел, для разовых поездок нанимал шофера, да по 100 рублей в месяц платил за стоянку. Когда деньги кончились, пришлось машину продавать, выручка была в четыре раза

меньше затрат на покупку. Из остатка оплатил первый завод книги «Русская голгофа» тиражом 500 экземпляров. Второй завод рассчитывал запустить на деньги, вырученные от продажи первого, а уж второй том – после распространения второго завода. Такой план он развел как раз до своего семидесятилетия, то есть до 2003 года. Но тут настигла болезнь. Четыре года не дотянул. В последний мой приезд к нему в конце октября он попросил переправить три упаковки для библиотек в Тару.

На погребение приехало человек двадцать. Началась процессия прощания. Как раз пошел густой снег. И пока приближаюсь в хвосте процессии к гробу, моя память по строчке выдает полузабытое:

Снега, снега! Как вы белы,
С какую падаете негой!
Вы мне по-прежнему милы —
Не мыслю родины без снега.
Снега, снега! В конце концов,
Неотвратима мысль простая:
Снежинка сядет на лицо
И, удивившись, не растает...

Когда он был жив, мне не казалось, что эта строчка – о смерти.

Когда человек ушел, ничто уже не может ни убавить, ни прибавить к его достоинствам и недостаткам, если, конечно, полностью исключить лжесвидетельство. Но можно бесконечно итожить крупички опыта, оставшегося от общения с ним. Он был на четыре года старше меня и служил для меня примером того, как можно, «не кончая академий», стать образованнейшим человеком своего времени.

Помню концерт художественной самодеятельности в сельском клубе. Леша уговаривает кого-то выпустить его на сцену. Уговорил. И прочел монолог Незнамова из пьесы Островского «Без вины виноватые». Зал замер на вздохе, а после долго не отпускал его со сцены.

Позднее, уже на пятом десятке лет, Чашечников окончил Высшие литературные курсы (ВЛК) при Литинституте имени Горького. Но в

основном сумел «сделать» себя сам. По многим вопросам истории России, особенно в части ее псевдореволюционных, антиправославных прегрешений перед русским народом, он был, без преувеличения, энциклопедистом. Мы не раз цапались по политическим мотивам, я был «партийнее» его, правильнее, что ли, по советским идеологическим критериям. Не случайно волны горбачевской перестройки прибили его к газете «Советская Россия», которая в бытность ее главным редактором Михаила Ненашева громила и сокрушала догматы ортодоксального коммунизма. Чашечников явил тогда незаурядные способности демократического публициста. Но пройдет еще с десятков лет, и он ужаснется результатами перестройки, за которую сражался в «Советской России». Появится его стихотворение «Распродажа»:

Идет распродажа. Не сеем, не пашем,
Садов не сажаем, не строим дорог, –
Идет распродажа в Отечестве нашем –
Вгрызаются соросы в русский пирог...

.....

Очнитесь, славяне! Во лжи, словно в саже,
Вы святость отцов позабыли, сыны!
Идет распродажа, идет распродажа,
Идет распродажа великой страны!..

... Стараниями одного из друзей Чашечникова, Сергиево-Посадского поэта Николая Братишко, на кладбище в селе Рогачёво поставлен камень с портретом и надписью. Мы с Николаем бываем здесь по два-три раза в год. Зимой топчем от проезжей дороги снежную тропу, летом рвём траву, оставляя на могиле лишь кустику папоротника и цветы, осенью слушаем тишину и шорох опадающих с клёна листьев. Клён, соревнуясь с вязами, вытянулся на небывалую высоту. Прошлой осенью Коля сказал, что здесь не хватает рябины. Я согласился: да, не хватает. Эту мысль нам напомнили его стихи. «Клён сгорел, рябина догорает». Замолкаем: у Чашечникова последняя строка этого стихотворения провидческая, произносить её не хочется: «Впереди и Родине гореть».

Заключение.

Леонид Николаевич – без преувеличения культурный символ. Он в очередной раз доказал, что сибирская глубинка способна рождать больших поэтов. Настоящих, от земли, знающих мир вокруг и способных рассказать о нём. Его не раз называли одним из талантливейших поэтов своего поколения и во всех городах, где «певцу русской печали» довелось жить – в Омске, Астрахани, в Подмоскovie – о его стихах осталась добрая память.

Его поэзия искренна, мудра и предельно автобиографична, что придает ей особую силу и притягательность. Творчество поэта многолико и многогранно, отражает богатый внутренний мир художника, проникнуто горячей любовью к Родине, к простым людям, к родной природе. Обращаясь к истории России или оценивая её сегодняшний день, поэт сумел выразить свою гражданскую позицию, твёрдую веру в возрождение своей страны и её духовных сил.

Поровну поделённая любовь между величавой Сибирью, красавицей Волгой и живописным Подмоскovieм занимала основное место в лирике и многочисленных статьях поэта

Он рассказал о себе, но рассказал так, что каждый может задуматься и найти ответы на множество терзающих нас вопросов.

Его стихи не ушли вместе с ним, он остался живым в своих стихах и в пробуждённой ими памяти:

Сознаюсь, самолюбию назло,
Что мне в любви чертовски не везло.
Ну, не везло – и всё тут. Что за диво?
С поэтами такое дело сплошь.
Пока научишься писать правдиво,
Десятки раз изранишься о ложь.

Он ставил литературное творчество выше личного благополучия, семейного счастья, каких-либо бытовых удобств или карьерных соображений.

Литература.

1. Биографический очерк М.И.Сильвановича о поэте Леониде Чашечникове, включённый в книгу «Цветы и тернии любви. Сборник избранной лирики» (Москва, 2013. — С. 272-313).
2. Тихонов А. А. «У века бурного в долгу»: поэтическая судьба Леонида Чашечникова // Национальные приоритеты России. — 2017. — № 5 (27). — С. 37–45.

Интернет-источники:

https://omskmark.moy.su/publ/essayclub/bibliopost/bp_tihonov_poeticheskajasudbaleonidachashechnikova/103-1-0-3406
[tktara.ru»kultura/556-53-gospodom-s-poeziej...](http://tktara.ru/kultura/556-53-gospodom-s-poeziej...)
[chitalnya.ru»work/838231/](http://chitalnya.ru/work/838231/)
[vechkitova.ucoz.ru»publ/personalii...chashechnikov](http://vechkitova.ucoz.ru/publ/personalii...chashechnikov)
[kultura55.ru»culturedetails/o-nashih...chashechnikov](http://kultura55.ru/culturedetails/o-nashih...chashechnikov)
[rusnatprior.ru»files/files...37-45 Тихонов 2017...pdf](http://rusnatprior.ru/files/files...37-45_Тихонов_2017...pdf)

Произведения Леонида Чашечникова.

- Чашечников Л.Н. Я боюсь тишины: стихи – Волгоград: Нижне–Волжское книжное издательство, 1969 – 23 с.
- Чашечников Л.Н. Россия, женщина, берёза: стихи – Волгоград: Нижне–Волжское книжное издательство, 1972. – 54 с.
- Чашечников Л.Н. Журавлиный зов: стихи/Л. Н. Чашечников. – Волгоград: Нижне–Волжское книжное издательство, 1979. – 95 с.
- Чашечников Л.Н. Сроки: стихи/Л. Н. Чашечников. – Волгоград: Нижне–Волжское книжное издательство, 1981. – 55 с.
- Чашечников Л.Н. Время жатвы: стихи и поэмы/Л. Н. Чашечников. – М.: Современник, 1982. – 611 с.
- Чашечников Л.Н. Краски осени: стихи и поэмы – М.: Советская Россия, 1985. – 110 с.
- Чашечников Л.Н. Из новых стихов. Астраханские известия – 1998 – 27 мая. – С.4.
- Чашечников Л.Н. Из поэтической тетради. Астраханские известия – 1999. – 14 окт. – С.5.
- Чашечников Л. Н. Русская Голгофа: стихотворения и поэмы – Сергиев Посад, 1999. – 327 с.
- Чашечников Л.Н. Цветы и тернии любви. Сборник избранной лирики: к 80-летию со дня рождения поэта; составитель М.И. Сильванович. – Москва, 2013. – 320 с.

Литература о жизни и творчестве Л. Н. Чашечникова

- Антология астраханской поэзии. Редактор-составитель П.В. Морозов. – Астрахань, 2003.
- Немировская, Д.Л. Книга без автографа: о Л. Н. Чашечникове. Астраханские известия – 2000. — №14. – С.8
- Подольская Г. Г. «Где Волга прынула стрелой...»: Астрахань поэтическая: литературно-художественное издание. Астрахань, 1995. – С.226-230.
- Свет мой безмерный. Антология астраханской поэзии. Редактор-составитель С.А.Золотов, 2013
- Севастьянов О.М. «В этом зареве ветровом: очерки». Астрахань, 2005.
- Севастьянов О.М. «Я город свой ко всякому ревную». Астрахань, 2002.
- Травушкин Н. С. «У Волги, у Каспия» – М., 1985.
- Щербаков Ю.Н. И современники, и тени. Очерки и посвящения. «Буду петь и любить». — Астраханское отделение Союза писателей России, 2013
- Изотова, А. Здравствуй, Омск! Я пришел поклониться... / А. Изотова // Ом. правда: Намедни. – 2003. – 12 марта. – С. 15.
- Сильванович, М. Последний поклон / М. Сильванович // Третья столица. – 2001. – 19 дек.(№48). – С. 6.
- Шелемин, Е. Судьба, уложенная в строки / Е. Шелемин // Вся губерния. – 2000. – 20 дек. (№12). – С. 14.
- Изотова, А. «Россия! Возьми мое грустное слово...» / А. Изотова // Ом. правда. – 1998. – 27 февр. – С. 5.
- Чашечников, Л. Отсюда начиналась дорога... / Л. Чашечников; Беседовал В. Сукач // Ом. вестник. – 1994. – 13 июля. – С. 3.
- Злотина, Е. ...Просто память виновата / Е. Злотина // Ом. правда. – 1988. – 10 июля.

Наследие.

Леонид Чашечников «ИВАНАМ, ПОМНЯЩИМ РОДСТВО»

Я ВНОВЬ ПРО ЭТО

Я вновь про это, вновь про это -
Я вновь про баб да мужиков.
Стоит в тайге за Тарой где-то
Деревня испокон веков.

(Быть может, дольше - кто упомнит? -
Ни Бог, ни мох на скатах крыш).
Там за усадьбой тётки Домны
Течёт река, река Иртыш.

За огородами кладбище -
Хоть в рай, хоть в ад - за полверсты.
Там, почитай, могил с полтыщи -
Звёзд мало, больше всё кресты.

А сколько наших загубила Война?!
Погибших на войне
Пересчитать, так звёзд-то было б
Побольше, чем крестов, вдвойне.

Там в тридцать третьем, вьюжном марте,
В избушке на краю села,
Под вечер повитуха Марфа
У Марьи роды приняла.

Так я, порядком мать измучив,
Явился, чтоб продолжить род.
- Орёт,- шептала мать,- живучий!
Орёт, варнак. Ну пусть орёт.

У нас в роду все громогласны -
Что песни петь, что матом крыть... -
Мать предрекала не напрасно:
Во мне мужичья стать и прыть,

И потому я вновь про это,
Я вновь про баб да мужиков.
Стоит в тайге за Тарой где-то
Деревня испокон веков.

Там в избах печи на полкухни,
А с фотографий на стене
Глядят Иваны да Петрухи,
Убитые на той войне.

Глядят на радости, на муки,

На наши ссоры и пиры,
Глядят, как их медали внуки
Облюбовали для игры.

В медалях нет бывшего блеска,
Позеленели ордена.
Мол, что медаль - она железка,
Ей без Ивана грош цена.

Ах, эти внуки! Мог ли даже
Представить боевой комбат,
Как пьяный олух на продажу
Снесёт медали на Арбат.

И гнев в душе, и стыд за близких,
За тех, чья память коротка:
Стоят в России обелиски
И простоят ещё века;

И будут Русь печалить долго,
Бывшее в сердце вороша.
И будут помнить Днепр и Волга
Парней с седого Иртыша.

А потому выходит - рано
Пускать медаль на озорство -
Ещё болят сердца и раны,
И рано забывать Иванов
Иванам, помнящим родство!

Я вновь про это, вновь про это,
Я вновь про баб да мужиков.
Стоит в тайге, за Тарой где-то
Деревня испокон веков.

Таких - сто тысяч за Уралом.
Но для меня в деревне той
Россия, как в росинке малой,
С её суровой добротой.

* * *

Ёлки-палки! - заплакать охота,
Да не помню, чтоб я завывал.
...То карьер, то гнилое болото,
То барак, то промозглый подвал.

Ёлки-палки! - то лес, то валежник,
То пила, то топор, то кайло,
То в прокопьевской шахте крепёжник
Оглянулся - полжизни ушло.

А теперь удивляется кто-то,

Что к полста не успел преуспеть.
Ёлки-палки! - заплакать охота:
Как же я умудрился запеть?!

* * *

По воле рока - до конца, до срока
Все боли мира сходятся на мне.
Следы порока и печать пророка
Отмечены в очах и в седине.

Цветут сады, или метёт пороша,
Парит орел, иль кружит вороньё,
Кустится рожь, иль опадает роша -
Всё это сквозь меня, во мне, моё!

Я этим миром мятый, битый, клятый,
Страдающий от боли и тоски,
Боюсь строки фальшивой, как расплаты
За пепел лет, осевший на виски.

Живу у строк в пожизненной неволе.
Но, походя, с оценкой не спешу,
Пока не разглядишь на зрелом поле
Горчайшую полынь моей души.

ОДА КРЕСТЬЯНСКИМ РУКАМ

Умылась вешним половодьем,
Очнулась ото сна земля, -
И снова сеятель выходит
На вековечный зов в поля.
Земля!.. Кормилица-землица!
Я не устану никогда
И любоваться, и дивиться
Крестьянской мудростью труда,
Размахом нрава удалого,
Выносливостью добрых рук.
Давно ищу такое слово,
Чтоб гранями сверкнуло вдруг
И руки эти озарило,
В их первозданной красоте:
Какая нравственная сила
В их черноте, их чистоте!
Благословенны эти руки
На все года, на все века!
Без них исчезнут краски, звуки,
Оглохнут песня и строка;
Без них всё сущее на свете
Уйдёт во мрак и пустоту.
Но как воспеть мне руки эти -
Их черноту, их чистоту?!
Как не лукаво и достойно
Воздать рукам по чести честь?..

Сильна Россия и спокойна
Пока крестьянин в поле есть.

ЛЕБЕДЬ-ПЕСНЯ

У меня две реки, как две верных руки:
Справа - гордый Иртыш, слева - вольная Волга.
У меня по России везде земляки
И причалы везде на пути моём долгом.

На яру постою - Ермака воспою,
На песчаной косе возвеличу Степана.
У меня две реки, как две сильных руки,
Караваны ведут - кораблей караваны.

Справа - глубь-глубина, слева - голубь-волна,
Правой сила дана, левой - нежность и ласка.
И на все времена лишь Россия одна -
Лебедь-песня моя, моя вечная сказка.

* * *

«Мёртвые сраму не имут» -
Словно молитву шепча,
Шёл к эшафоту детина,
Глядя в глаза палача.

«Мёртвые сраму не имут,
Может, потомки поймут?..» -
Пленник шептал на чужбине,
В сонме последних минут.

На смерть ходить - не на праздник,
На смерть - не в гости ходить:
Каждый спешил перед казнью
Душу свою оградить

От бесполезных сомнений -
Прав или вовсе не прав?..
Сколько с тех пор поколений
Скрыто под скатертью трав!

Мёртвым воистину чуждо
Чувство вины и стыда.
Нужно живым - ох, как нужно! -
Мучиться им иногда.

ПОЛЫНЬ

Земли ядрёный запах.
Апрельская теплынь.
Встаёт на мягких лапах
Белёсая полынь.

Она ещё не стойка,

Ещё нежна пока,
Она ещё не столько
Горюча и горька.

Люблю полынь не меньше,
Чем на лугах цветы -
Судьбу российских женщин
Напоминаешь ты.

Тех, кто красой не очень,
Стояли в зной и стынь
Вдоль трактов у обочин,
Упрямо, как полынь.

Смотрели нам в макушки,
Забитые «под ноль»,
Скрывая в светлых душах
Чернее тучи боль.

А мы - всё уходили,
Потупив в землю взор:
Кто - в небыли,
Кто - в были,
Кто - в славу,
Кто - в позор.

ВИНА

Бывало, приедешь в родные края -
Спешит расспросить деревенька моя:
Как топал по жизни, где трактором, где вброд,
Хорош ли в столице прижился народ?
И я отвечал, что по-всякому жил -
Роднѣй дорожил да Отчизне служил;
А что - ошибался, блажил иногда -
То всё, кроме смерти, - беда не беда!
А нынче вернулся в родные края -
Свинцово молчит деревенька моя.
И только за стопкою вымолвил сват:
«Москва виновата. И ты виноват.
Плетёте тенёта утопий и схем!..»
«Но я-то за что виноват, перед кем?!»
«Знать, плохо учили тебя, дурака:
Россия за нами! За нею - века!..»
Я только и вымолвил:
«Вот тебе - на-а! -
Вот это планида, вот это вина!»

ПРЕДЗИМЬЕ

Гляжу всё чаще и подолгу,
Как уплывают корабли,
Как облетают листья в Волгу
И плачут чайки на мели.

В тиши печального предзимья
Пронзает сердце чаек крик.
У пристанского магазина
Какой-то спившийся старик
На опохмелку мелочь просит,
Нетвёрдо стоя на ногах.
Бредёт по понизовью осень
В рыбацких грязных сапогах.
А мне и стыдно, и не стыдно,
Что по щеке ползёт слеза.
А мне обидно, мне обидно,
Что время выело глаза,
Что различаю всё невнятной
Прохожих, чаек, корабли...
Зато отчётливей, понятней
Всё то, что в прошлом и вдали.
Я понимаю, понимаю,
Я принимаю эту грусть:
Предзимний сам, я обнимаю
Предзимьем тронутую Русь.
А старый боцман, сын собачий,
Навзрыд запел о ямщике...
Ну что ты, что ты - я не плачу;
То капля Волги на щеке.

СТАРЫЙ БУКСИР

Река лилова от заката
И неподвижна. Лишь в дали
Буксирчик шлёпает куда-то
На край воды, на край земли.
Уснули ивы над разводьем,
Оглохла, степь от тишины.
А он уходит, он уходит, -
Лишь огоньки едва видны.
И в этой красоте нетленной
Душа, как будто, на весу:
То устремляется к вселенной.
То зябко падает в росу.

* * *

Издалека - большое видится
И исчезает мелкота...
Пусть не иссохнет, не обидится
Таёжная речушка та,
Где зреет чёрная смородина
И к свету тянется куга.
Добры сердца на милой родине,
Чисты сибирские снега.
В глазах - ни зависти, ни подлости,
В сердцах - ни злобы, ни вражды.
Судьбой лишённому оседлости
Их доброта не без нужды.

Однажды, выхваченный ветрами,
К стезе привыкнув кочевой,
Я жив отнюдь не километрами! -
Щемящей памятью живой
О тихой речке, о смородине,
О коноплице вдоль плетня -
О той, таёжной первородине,
Что в детстве сберегла меня.

* * *

Живу не свято, не богато -
То тароват, то скуповат;
Не виновачу виноватых -
Сам перед кем-то виноват.

Вину забудут. Канут в Лету
Пороки, слава и слова.
Не важно, как живут поэты,
Была б поэзия жива!

* * *

Снега, снега! О, сколько вас
В пути мне выпало на плечи!
Но, даже в самый грустный час,
Винить снега России не в чем.

Снега, снега! Как вы белы,
С какою падаете негой!
Вы мне по-прежнему милы -
Не мыслю Родины без снега.

Снега, снега! В конце концов,
Неотвратима мысль простая:
Снежинка сядет на лицо
И, удивившись, не растает...

* * *

На синем камыше дрожат седые росы,
Над серою водой - крик белых лебедей.
А мне бы журавля да русую берёзу,
А мне бы разговор среди родных людей.

Вилась-перевилась, запуталась дорога:
То нестерпимый зной, то жёсткие снега.
А мне бы посошок да табаку немного,
Да тихие стихи про пашни и стога.

А мне бы позабыть утраты и невзгоды,
А мне бы не знать глухих обид без слёз.
А мне бы журавля да молодые годы,
А мне бы отчий дом в тени родных берёз!

* * *

Устав от счастья и несчастья,
От долгой жизни на виду,
Однажды, в позднее ненастье,
Я к тихой родине приду.

На версты строк растратив силы,
Вернусь грустить на склоне дня.
За всё бы родина простила,
Да не за что прощать меня!..

ВРЕМЕНА И СРОКИ *(Отрывки из поэмы)*

Раздумье в дороге

...Сойду с попутки в роще древней,
Оплеч надену вещмешок
И заспешу к родной деревне,
В песок втыкая посошок.
Ступлю с растерянной улыбкой
На ту, заветную межу,
Но прежде, чем открыть калитку,
На старом прясле посижу.
Опустятся на травы росы
В вечерней зыбкой тишине,
И память тысячу вопросов
Задаст перед порогом мне.
Не раскалив подковы в горне,
Не распилив бревна на тёс,
Я часто толковал про корни,
Которыми в деревню врос.
Приателям порой не ясно:
Зачем, по сути городской,
Я нынче заболел опасной
И новомодною тоской
По свежесмётанным зародам,
По разговорам у костра
И по общению с природой
Без тесака и топора?..
Не уличай меня, читатель,
Ни в лицемерье, ни во лжи.
Ты отругай меня, но, кстати,
Дурной цитатой не вяжи!
Не обвиняй меня в пристрастье
К мужицкой, лапотной Руси.
Но много ль от прогресса счастья –
Ты, брат, у совести спроси!
Спустись однажды ненароком
С крупнопанельной высоты
И осознай, что неким сроком
Явился из деревни ты.
Не нас ли в юности носило

И вдоль, и поперёк страны –
Мы были кочевой рабсилой
С десяток лет после войны.
Живали хорошо и плохо –
Тому, кто нынче скор на суд
Скажу: звала тогда эпоха
Нас в города. И в этом суть.
Крестьянин был всегда опорой
В благих делах. Не мыслю впрок
Иной замены, для которой
Когда-нибудь настанет срок.
Я не из тех, кто город хаает,
Дудя в фальшивую дуду,
Лишь потому, что отдыхает
В селе у тёщи раз в году.
Такое чванство – вроде свинства
И непотребства за столом;
Нам не прожить без двуединства,
Без братства города с селом.
Поныне брежу: конским потом,
Парною первой бороздой,
Косьбою – лихо, с разворотом
И пьяно пахнувшей скирдой.
Я знаю – скажут: – Вот затеял
Про косу, про коня. Беда!..
Чем хуже трактор? Не потеет,
И борозда так – борозда!
Да, механизмов нынче много –
Сбылись Чаянова мечты.
И всё равно в душе тревога:
Поубывало доброты.
Почти не слышно песни русской,
Не видно в поле помочей,
Нет вечеров с чайком вприкуску
И разговоров – не речей!
Глядишь, живёт – не дом, а чаша,
Но справное житьё-бытьё
Позаслонило слово «наше»
И снова выползло – «моё»!
А там – до наглости недолго,
Когда стыда в народе нет.
Глядишь – «Чароки», а не «Волга»
Не горница, а кабинет,
Где бар и банька за портьерой,
«Шестёрка» целый легион;
И, к завершению карьеры,
Почти премьерский пенсион.
Нашпиговав, на всякий случай,
Свой мозг цитатным ассорти,
Такой всю жизнь кого-то учит,
Вещает, Господи прости!
Непотопляемый, упругий,

Усвоивший почём почёт –
Саму поэзию в прислуги
Пристроил за народный счёт.
Чтобы, приплясывая, пела
Под свинг мажорная строка,
Чтоб ублажала только тело,
А ум – не трогала пока...

Застольный разговор

...А на другом конце стола
Другие судятся дела:
Деды анализируют
Личутинскую прозу
И не симпатизируют
Пророкам и прогнозам
На то, что с нами станется
В ином, грядущем веке,
И что от нас останется
В российском человеке?..
Их мозг сверлит отчаянно
Иной вопрос, признаться:
Случайно, не случайно ли
Глупеет нынче нация.
Случайно, не случайно ли,
Нахально иль законно,
Свой лик несут начальники
В народ, аки икону?
Поглаживая бороды,
Толкуют, между прочим,
Что и в престольном городе
Умны теперь не очень;
Что верх забрали, якобы,
Там иудеи дошлые –
Воротят рыло к Западу,
Позабывая прошлое.
И что за сим последует? –
Помог бы разобраться.
Ответил я:
– Не ведаю,
Но будет худо, братцы! –
Тут вышла в круг задорная
Сестрёночка Наташа: –
А ну, давай «Подгорную»,
Али забыл, как пляшут? –
И поплыла по горенке
То павою, то уточкой,
Заворковала горлинкой
Да с прибауткой-шуточкой:
«Ты подгорна, ты подгорна
Широкая улица.
Нынче бабы кормят семью –
Мужики любуются.

Жизнь – малина-разлюли –
Мы купили "Жигули".
От стоянки до усадьбы
На буксире привели.
Ты подгорна, ты подгорна –
Лопухи вдоль улицы.
По тебе никто не ходит –
Ни петух, ни курица.
Если курица пройдёт,
То петух с ума сойдёт!..»
Я вышел на крыльцо, присел устало,
Видать, к дождю, гудели провода.
Над тополями матово блистала
Большая одинокая звезда.
Блистала по-над пажитью отцовою,
Как в юности далёкой. Как всегда.
Звезда Кольцова и звезда Рубцова –
Звезда полей, российская звезда.

Всполохи памяти

...Война крестьян застала на покосе
Приехал в табор третьего звена
Под вечер водовоз, старик Абросим
И, заикаясь, выдавил: – В-война!
Бабёнки в слёзы сразу – охи, ахи,
А мужики – в дебаты о войне,
Хоть у самих холщёвые рубахи
Прилипли к мокрой от жары спине.
И началось!
Повестка за повесткой,
В деревне пели,
плакали навзрыд;
Спешили стать солдатками невесты,
С отчаянья забыв девичий стыд.
Сердца у девок одурели с горя –
Сердца в беде не дружат с головой.
И не одной из них случилось вскоре,
Не став женою, сделаться вдовой.
Но им и похоронных не носили,
Им говорили пакости в лицо.
И вот живут теперь по всей России
Сыны солдат без имени отцов.
Да ладно, хватит. Только ли такое
Мы на войну списали в те года!..
Списали, но сознание людское
Не примирится с этим никогда.
Не оправдать любой войной суровой
То, как, бывало, выла детвора,
Когда у вдов последнюю корову
За недоимки гнали со двора.
Не позабыть, как сторож, дед Василий,
Насыпал на току зерна в пимы –

И старика за это посадили –
Он так и не вернулся из тюрьмы.
Солдату на войне хоть и не легче,
Но знал он: где свои, а где враги.
А тут насмотришься на горе женщин,
Загнёшь, как взрослый, матом в три дуги
И вроде бы отхлынет, полегчает...
У нас ведь как: молитва или мат.
Мать головой с упрёком покачает:
– Сынок, не лайся, Гитлер виноват!
...Какой дурак сказал, что бабы слабы?!
Когда б сбылось желание моё –
Я монумент бы отлил русской бабе
За силу и терпение её.
Такой, чтоб лоб от дум тревожных – в складку,
Чтобы в глазах надежда и печаль,
Чтоб воплощал он женщину-солдатку
С судьбой самой России на плечах.
Чтоб посмотрел – и вспомнил всё, что было,
Когда отправив в пекло мужика,
Она четыре года тяжесть тыла
Несла до омертвения в руках.
Чапыги сжав, плелась за клячей тощей
По борозде, с рассвета до темна,
Жизнь проклиная, верила наощупь,
Что всё пройдёт, что кончится война.
Весь хлебушко с осиротевших пашен
Везла на фронт, чтоб был солдат с едой, –
Всё отдавала, знала: это нашим,
Давясь ржаной лепёшкой с лебедой.
Она была опорой эпохи –
И швец, и жнец, и ратай на земле.
Ей было плохо. А кому не плохо?!
Несладко даже Сталину в Кремле.
На годы сделав кабинет Генштабом,
Он гнал полки стеною на стену,
И ласкового слова русским бабам
Он так и не сказал за всю войну.
А баба надрывалась. И едва ли
Ждала тех слов от грозного Отца –
Ведь всё, что говорил и делал Сталин,
Равнялось весу стали и свинца.
Нет, не ждала и скидок не просила –
Переносила скудную жизнь.
Ведь наша баба норовом – в Россию,
Или Россия норовом в неё!..
Потом вернулись исподволь солдаты,
Уставшие от ратного труда.
Гуляли. И с похмелья виновато
Ворчали: – Заживёмся, не беда! –
Впрягались полегонечку в работу,
Шли к вдовушкам тайком навеселе.

Прижать бы мужичков, да уж чего там! –
Когда всего их семеро в селе.
Терпи, молчи – не мужики, а боги!
Цени, лелей – закон войны таков:
Их семеро пришло. Один безногий.
А уходило сорок мужиков!..
Довольно, память. Сделай передышку.
Полвека без войны – не малый срок.
Но мы, тех опалённых лет мальчишки,
Не позабыли страшный тот урок.
И старенькая мать не позабыла,
Как надрывалась, молодость губя.
И вспоминая нынче всё, что было,
Я судьбы русских баб писал с тебя...

Вещий сон

Вчера, над строчкой среди ночи,
Зажало сердце – хоть кричи.
Чтоб я постромки рвал не очень –
Давно советуют врачи.
Чтоб жил ни шатко и ни валко,
Не громоздил заботы впрок.
А умирать, и вправду, жалко,
Не выбрав свой последний срок.
Мой срок, отпущенный природой,
Воздавший мне хулу и честь.
...А по России – недороды,
А за морями жито есть!
Потом мне думалось: доколе
Жить при богатстве и в долгу?
Потом во сне мне снилось поле,
Где жито спелое в снегу.
Потом, перед рассветным часом,
Во сне, а словно наяву,
Крестьяне ехали за мясом
И за одеждою в Москву.
Магнитофон гоняют детки,
В картишки режутся отцы...
Вгляделся: Бог мой! – бабка с дедкой!
Крещусь: откуда, мертвецы?
Стыдливо жмутся: – Жили, были –
Давно скопытились, как есть.
Да разве улежишь в могиле,
Когда внучата просят есть?!
...Вскочил от страха и от боли,
Спросонья вертится строка,
Что жизнь моя, как жито в поле,
Ещё не сжатое пока.

Разговор перед обратной дорогой

Разговор старик начал с упрёка:
– Не мальчишка – муж, остепенись!

Всё летаешь, всё витаешь, сокол,
В небесах. Смотри, не срежься вниз!
Верный до конца устоям древним,
Он за грубостью скрывает грусть.
Он уверен твёрдо, что деревней
Изначальна и живуча Русь.
Я ему про море – он про зори,
Я ему про степь – он про тайгу.
Знал бы ты, как в радости и в горе
Помню всё и нежно берегу.
То, как мы траву в лугах косили,
Кислый квас в жару глотали всласть!..
Для меня великая Россия
С этой же деревни началась...
...У Марьины бугра гудели трактора.
Пожаловал старик с чекушкой в кармане.
За стопкою сказал: – Тебе домой пора,
Я вижу, что опять тебя дорога манит.
Спокойно поезжай: здесь нет твоих корней –
И деда, и дядя навечно под крестами,
Не ты один, кому грустить остаток дней
И грезить вдалеке родимыми местами.
– Ты прав, старик. Мой дом теперь не здесь,
Свалился лес родни, сгноило корни время.
А что же есть? Москва. Россия. Совесть есть.
Есть память прошлых лет и есть раздумий бремя.
Пусть будет долгий путь, хоть изредка полог,
И пусть меня судьба не обойдёт на сроки.
И всё что написал – пока не эпилог,
А сонмище тревог, уложенное в строки.
Неси, не растряси, не сбрасывай с себя!
Неси, покуда жив, на выдохе и вдохе.
Страдая и любя, ликуя и скорбя –
Иди, покуда жив, по острию эпохи. 1990-е

* * *

Отпечален, отчален, отмучен –
От внезапной свободы продрог.
Что же делать? Честнее и лучше
Заплутать в лабиринте дорог,
Раствориться в метелице стылой,
Затеряться в глухой стороне,
Чтобы ты заметалась, завыла
Одичалой волчицей по мне.
Чтоб тебя от прозренья знобило
И, тщету свою бабью кляня,
Ты однажды себя разлюбила
И опять полюбила меня.

ПОКОСЫ

Старею, что ли, – вот и осень –
Всему свой срок, всему свой срок...
И на виски густую проседь

Не зря навеял сиверок.
Легли морщины криво-косо,
Но что поделать я могу!
Мне снятся до сих пор покосы
И потайной шалаш в стогу.
Послевоенные покосы!..
Среди безмужнего бабья
Была одна. Прости мне, Тося,
Что нынче тайну выдал я.
Но лет-то столько миновало!
Быль чернобылом поросла.
О, как ты, Тоська, целовала –
Взахлёб, без меры, без числа!
Была ты на пять лет постарше,
Вдовой солдатскою была.
При строгих нравах шашни наши
Считали срамом для села.
Недолгим было это лето:
Однажды, на исходе дня,
На древний пароход «Столетов»
Меня спровадила родня.
И я – ни мальчик, ни мужчина,
Тебя оставив на юру,
В корме разматывал кручину
И думал: утоплюсь, умру.
Не умер я, не утопился.
Матрос, вертлявенький, как бес,
Принёс бутылку, я напился,
А через сутки в Омске слез.
Я шёл по жизни сквозь заносы
И по асфальту городов,
Но помню, помню те покосы,
И ту вдову из тысяч вдов.
Разлуки были, встречи были –
Их след остался в седине.
Теперь я знаю, что любили
В то лето не меня во мне:
И ты, вдова, не виновата,
И не было моей вины,
Что походил я на солдата,
Который не пришёл с войны.

АСТРАХАНЬ

Шёл по дорогам я,
бродил по тропам,
Сгорал в июле,
Мёрзнул в январе –
Пока на стыке Азии с Европой
Явился белый город на заре.
Он колыхался, как мираж в пустыне,
Он отражался в маковках кремля,
Он расплзался красками густыми

В развалах за кормою корабля.

Над пристанями чайки голосили,
Тянуло с Волги волглою пенькой...
Старинный город
на краю России,
Такой, как все –
и всё же не такой!
Двадцатый век и здесь
Взметнул над водью
Громады из бетона и стекла,
Но в тихих улочках живёт сегодня
Та Астрахань,
которая – была.
Она застыла в каменных фасадах,
В смешенье стилей русских и татар,
Она торгует на Больших Исадах,
Сбывая свой немыслимый товар.
И продавцы – немыслимые сами –
С немыслимых приехали сторон:
Кавказцы с чёрно-синими усами,
Мордовки с расторопностью ворон.

Гудит, бурлит Семнадцатая пристань –
Туристы изнывают от жары.
И страшно возмущаются туристы,
Что нет в продаже воблы и икры.
А на базаре бабы языкасты:
Коль спрашиваешь – слушай, рад не рад.
Толкуют, что мелеет Волго-Каспий,
Что рыбу, мол, изводит Волгоград.
Что виновата, будто бы, плотина
(А может, вовсе не в плотине суть),
Что сами ждём с путины до путины,
А на продажу – нет, не обессудь...
Ну что с них взять, с базарных тараторок!
Мне Астрахань не слухами мила –
Стоит в низовье Волги белый город,
С которым жизнь навек меня свела.

Я начал уставать от долгих странствий.
Сибиряка по нраву и крови,
Зачисли меня, город, в астраханцы
За робкое признание в любви!

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЕ

Бредут, как странники босые,
К обрыву у степной реки;
Сквозь взгляды злобные, косые,
Сквозь слёзы, крики, матерки.
Они – и молоды, и яры,
Они надеются пока.

Ещё течёт под крутояром
В урему тихая река.
Ещё полвздоха и полшага.
И прозвучит команда: Пли!
И вздрогнут на краю оврага
И купыри, и ковыли...
И я проснусь. И станет жутко.
И вырвется из горла стон
На том нейтральном промежутке,
Где явь – не явь и сон – не сон.
В тот миг, подаренный судьбою,
В миг избавленья ото сна,
Не вдруг поймёшь, что над тобою
Стреляет почками весна.
Что просто память виновата
В том, что из внешней тишины
Идут пленённые солдаты,
Идут – и не придут с войны.

* * *

Клён сгорел. Рябина догорает.
Бред тумана тянется с реки.
Я ль не нарекал Россию раем,
Оглушённый яростью строки.
Я ль не пел великую Державу
И её бестрепетную рать –
Не за право жить, а лишь по праву
На миру достойно умирать?!
Тишина предзимняя над краем.
Видится сквозь мертвенную мреть:
Клён сгорел. Рябина догорает.
Впереди – и Родине гореть... 1991

ПАМЯТЬ

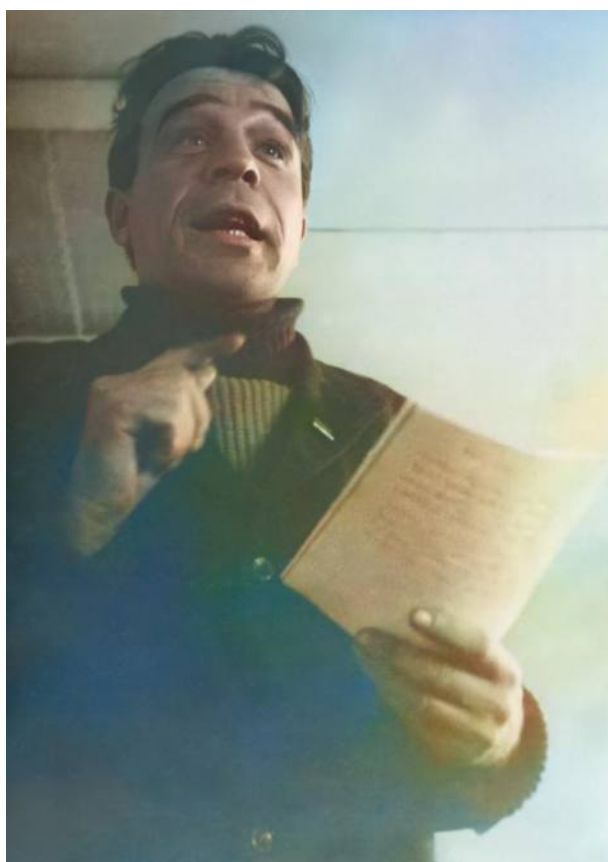
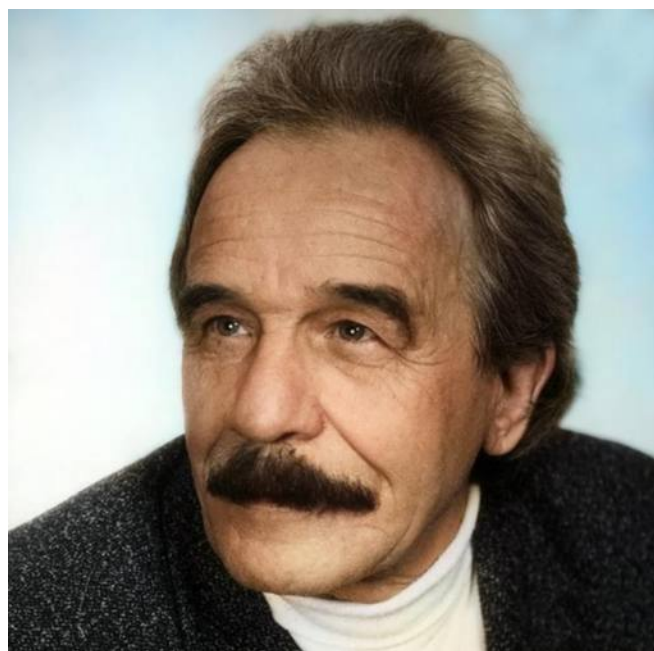
Мне казалось, прошло, поросло-заросло повиликой,
Взорвалось и осело дорожною пылью у ног.
Есть у каждого в прошлом такое, что лучше не кликать,
Только разве на память навесишь амбарный замок?..
Как закрою глаза – вижу дальний покос, клеверище
И духмяные запахи низко присевших стогов,
Смолокурню в тайге, неказистое наше жилище,
Где в углу, вместо вешалки, ветви лосиных рогов.
У меня эта память – глубокая старая рана:
Чем я старше годами – тем чаще тревожит она.
Словно детство сиротское сходит с большого экрана
Кинофильмом, где в титрах зловещее слово «Война!»
Что мне фильм про войну! Мне в достатке пришлось наглядеться
На голодных сирот и на вдов измождённых, в слезах.
Что мне фильм про войну, если сына беспечное детство
Превращается в юность сейчас у меня на глазах.
Мой взрослеющий сын, хорошо, что твой мозг не отмечен
Тяжкой памятью слов и навязчивых снов о войне.

Только мне неприятны твои бесшабашные речи,
Что, мол, сны про войну оставляешь досматривать мне.
Что не видел воочью – во сне никогда не приснится.
Пусть тяжёлая память со мною уйдет навсегда.
Пусть на бранных полях колосятся ячмень и пшеница,
Пусть растут на могилах чабрец и степная трава-лебеда –
Пусть всё с нами уйдет! Мы на наших детей не в обиде.
Грех завидовать счастью и ставить потомкам в вину
То, чего не успел, не узнал, не увидел.
Об одном вас прошу: берегите родную страну!
Будет всякой она: часом – доброй, порою – немилой,
Справедливою будет, как исстари было, всегда.
Берегите Россию! В ней тесно солдатским могилам,
На которых цветы и степная трава-лебеда.
Ну, а если придётся однажды в шинели одеться
И уйти, как когда-то отцы, от любви, от весны,
Оплатите наш счёт за сиротское трудное детство,
За погибших солдат и за вдовьи тревожные сны!

ЛЮБЛЮ ГЛУБИННУЮ РОССИЮ

Люблю глубинную Россию:
Чтоб сразу за селом — леса,
Чтоб по утрам дымки косые
Завинчивались в небеса.
Чтоб от росы на зорьке дрогнуть,
Вожжами шлепать по шлее,
Чтобы подрагивали дроги
На допотопной колее.
Шагать дорогою, которой
Шагал за возом прадед мой,
Чтоб ни трамвая, ни мотора,
Ни толчей в пути домой.
Чтоб после бани на крылечке
Курить и думать не спеша,
И слушать, как жуют овечки,
Трухой душистой шебурша.
Потом, при тусклом свете сидя,
В кругу семьи гонять чай.
Но обречен любить и видеть
Глубинку ту из толчей,
Издалека. Манит и дразнит,
Знать, оттого и дорога
Россия та, что давний праздник
Заносят памяти снега.
На гребне лет, крутой и нервный,
У века бурного в долгу,
Я в тишине такой, наверно,
Не долго выдержу — сбегу!
Но в час, когда закрутит лихо —
И ссоре быть, и быть беде —
Вздыхаю о России тихой,
Которой нет почти нигде

Фото.

Редакция газеты Ленинский путь, середина 50-х Л. Чашечников, Яков Горчаков (по левую руку от поэта).

Астраханские литераторы. 1970-е годы. 1 ряд (слева направо, сидят): Адихан Шадрин, Фёдор Субботин, Ольга Касимова, Клавдия Холодова, Юрий Селенский. 2 ряд (слева направо, стоят): Николай Ваганов, Василий Жарков-Волжский (художник), Леонид Чашечников, Юрий Смирнов.

Слева направо: Юрий Смирнов, Леонид Чашечников, Адихан Шадрин, Сергей Калашников. На переправе.

